
ИНТЕРВЬЮ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ПРОДВИЖЕНИЕ НЕКОНФЛИКТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИСКУССИИ (БЕСЕДА ПРОФЕССОРА Л.А. ФАДЕЕВОЙ С ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТОМ РАН И.С. СЕМЕНЕНКО)

Для цитирования: Перспективы исследований идентичности в социальных науках: продвижение неконфликтной публичной дискуссии (беседа профессора Л.А. Фадеевой с член-корреспондентом РАН И.С. Семененко) // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 74–85. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.04>

Л.А. Фадеева¹. Ирина Станиславовна, Вы много писали о предпосылках и факторах поворота к проблематике идентичности в политической науке. У каждого из пришедших в это поле ученых был свой поворот и своя мотивация. В Вашей научной судьбе тоже были неоднократные повороты. Я хорошо помню заинтересованное обсуждение в ИМЭМО в середине 1980-х – начале 1990-х Ваших выступлений по политическим процессам в Италии. Затем Ваше внимание было сосредоточено на анализе групп интересов, корпоративной социальной ответственности в сравнительном контексте. Широкий резонанс, и не только в научном сообществе, имела книга «Россия XX – начала XXI в. Культура и общество». Что повлияло лично на Вас в становлении Вашего интереса к проблематике идентичности?

¹ **Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).

И.С. Семененко¹. С ИМЭМО и коллективом Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований связана вся моя сознательная научная жизнь. Я поступила в аспирантуру Института в 1979 г., тогда в Отделе социально-политических проблем развитых капиталистических стран, которым руководил Герман Германович Дилигенский, активно изучалась динамика массового сознания. Работы Германа Германовича и общение с ним задали контуры нынешнего исследовательского поля. Многие идеи, которые мы сегодня разрабатываем, проросли из школы Дилигенского. Он занимался проблематикой социальной психологии классов с 1960-х годов. На меня сильное впечатление произвела его книга «Рабочий на капиталистическом предприятии: исследование по социальной психологии французского рабочего класса», изданная в 1969 г. Особенно впечатлило то, что можно перейти в анализе от класса к конкретному человеку. В 2002 г. Дилигенский издал свою последнюю книгу «Люди среднего класса». Почему именно такое название? Не средний класс, но люди? Опять эта связь и переход от анализа массового сознания к индивиду, к личности. Сегодня такие связки выявляются в поле исследований идентичности. Во всех работах Дилигенского были теоретические и эмпирические составляющие, он искал связующие звенья между ними. Отсылки к самому концепту есть в работах Г.Г. Дилигенского. Он прозревал будущие исследовательские повороты, видел неясные еще для науки контуры научного поля, мыслил «социально-политически».

Л.А. Фадеева. Да, книга Дилигенского по социальной психологии французского рабочего стала классикой. В особенности для историков основанной Львом Ефимовичем Кертманом пермской школы, которые работали в этом же поле. Моя кандидатская диссертация была посвящена социальной психологии английских рабочих в 1945–1951 гг. Именно поэтому я и оказалась в ИМЭМО первый раз в 1988 г., когда мы и познакомились. Я хорошо помню то впечатление, которое производили публикации Дилигенского по массовому сознанию переходного периода. Он писал об утрате

¹ **Семененко Ирина Станиславовна**, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН; руководитель исследовательского комитета РАПН по политической идентичности (Москва, Россия).

когнитивных ориентиров, о когнитивном вакууме в постсоветской России. На деле речь шла в том числе об утрате идентификационных ориентиров. В Отделе Дилигенского работали замечательные исследователи – Сергей Петрович Перегудов, Кирилл Георгиевич Холодковский, Валентин Владимирович Песчанский, каждый из них в той или иной степени затрагивал проблематику идентичности – идейно-политической, классовой, партийной.

И.С. Семененко. Все, кого Вы упомянули, – это мои учителя и старшие коллеги. В первую очередь – Кирилл Георгиевич Холодковский, наш ведущий италовед, под его руководством я писала кандидатскую диссертацию о левых партиях в политической системе Италии и об «историческом компромиссе». Кирилл Георгиевич научил меня многомерно смотреть на социальные процессы, выявлять разнонаправленные тенденции, анализировать и сопоставлять идейные установки и интересы политических игроков. На рубеже 1990-х вышло его капитальное исследование «Италия: массы и политика», он писал об эволюции социально-политического сознания и во многом предвосхитил произошедшие в Италии политические потрясения. Для меня это исследование стало примером системного политического анализа и научного прорыва в изучении политического сознания. В таком подходе содержится большой прогностический потенциал.

Сергей Петрович Перегудов – мой многолетний соавтор, группы интересов – тема, которую он для меня «открыл», по сути – наметил программу будущих исследований. Мы вместе разрабатывали тематику взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества, «корпоративного гражданства». У Сергея Петровича острое, удивительно точное ощущение нового, он с удовольствием включился в изучение влияния идентичности на формирование гражданской и политической нации. Валентин Владимирович Песчанский, к сожалению, уже ушедший от нас, – один из наших ведущих англоведов (как и Сергей Петрович), он научил меня скрупулезному отношению к фактам и к теоретическим обобщениям на основе эмпирического анализа.

В исследованиях идентичности важно соединение макро- и микроуровней. Одним из важных для меня поворотных моментов была дискуссия в 2001 г. на защите моей докторской диссертации «Группы интересов в политическом и социокультурном пространстве. Концепции и практика на Западе и в России». Я включила в

работу несколько кейсов по конфликтному взаимодействию групп интересов в сфере культуры – острых тогда ситуаций вокруг обустройства Патриарших прудов, установки новых памятников в Москве. Тогда сформировались активные сообщества граждан, возражавших против ряда проектов московской администрации. Представители власти поняли, что им не нужен открытый конфликт, и от ряда спорных решений отказались. На защите были заданы вопросы о механизмах продвижения интересов и о мотивации участников (помню, что о влиянии мотиваций на продвижение групповых интересов спросил Андрей Алексеевич Дегтярев, была интересная дискуссия). Действительно, без учета мотивов заинтересованных сторон вряд ли возможно понять, почему одни группы консолидируются и добиваются своих целей, а другие – нет. Размышляя над этими вопросами, я пришла к мысли, что можно прояснить ее через концептуализацию идентичности.

Л.А. Фадеева. Я вспоминаю, что первые Ваши работы и презентации по идентичности были связаны с проблематикой развития. Это был неожиданный заход в идентитарную сферу, который дал очевидные и значимые результаты.

И.С. Семененко. Сегодня в ИМЭМО оформилось научное направление, трактующее идентичность как ресурс общественного развития. В нашем Центре активно разрабатывается эта тематика, в первую очередь во взаимодействии и в соавторстве с коллегами Владимиром Валентиновичем Лапкиным и Владимиром Игоревичем Пантиним, вовлечены и молодые коллеги, недавно пришедшие в наш Институт. А первое мое выступление в Институте по тематике идентичности было в 2005 г. на теоретическом семинаре, который основал и вел В.А. Мартынов, тогдашний директор ИМЭМО. Помню, что была дискуссия о правомерности использования концепта идентичности для анализа социальных и экономических процессов и было много критических откликов, для экономистов это была непривычная постановка вопроса. В западной науке тогда намечалось изучение экономики идентичности, появился ряд публикаций, правда, их и сегодня не назовешь мейнстримом.

В ИМЭМО изучение идентичности как ресурса развития получило в начале 2010-х годов всемерную поддержку директора Александра Александровича Дынкина, нынешнего научного руководителя Института. Именно тогда оно оформилось как самостоя-

тельное и стратегически значимое направление исследований. Сегодня это уже мейнстрим. Наряду с другими новыми направлениями тематика идентичности стремительно завоевывает позиции в рамках анализа и прогнозирования изменений в структуре мироустройства, чем активно занимается коллектив ИМЭМО.

В целом уже можно говорить, думаю, о плодотворном творческом взаимодействии политических исследователей, причем как тех, кто занимается политической теорией и политическими процессами, так и международных, социологов, этнологов и географов. И тех коллег, кто занимается анализом социально-экономических аспектов развития – проблем бедности и неравенства, миграции, тенденций в социальной сфере и в развитии новейших технологий, – и тех, кто работает в поле социальной философии. Особенно плодотворное взаимодействие в сфере исследований идентичности у нас с коллегами из Института социологии РАН, в первую очередь – с Леонардией Михайловной Дробижевой, авторитетнейшим специалистом по проблемам межэтнических отношений. Хотелось бы больше «перекрестного опыления» с психологами, историками и культурологами, надеюсь, что научные контакты будут интенсивнее. Особенно – в осмыслении разных аспектов политики идентичности, это наш приоритет как политических исследователей.

Л.А. Фадеева. В последние несколько лет начала размышляться однозначная трактовка политики идентичности, с 1960-х годов она понималась как продвижение интересов и защита идентичности угнетенных и депривированных групп. В публичном политическом дискурсе и в академических штудиях политику идентичности стали определять как курс на формирование / укрепление макрополитической идентичности. Вы являетесь инициатором такой интерпретации политики идентичности в отечественном исследовательском поле. Казалось, что схлынула острота этой проблематики. Однако летние события в США и волна массовых протестов, направленных на продвижение идентичности расовых меньшинств, актуализируют именно то, традиционное понимание политики идентичности. Как Вы считаете, не будет ли это препятствием для укоренения современной широкой интерпретации политики идентичности? Как оцениваете перспективы разработки политики идентичности в научном плане?

И.С. Семененко. На Западе тоже нет единого понимания политики идентичности. Нормативная интерпретация, о которой

Вы говорите, исходит, прежде всего, из американского опыта. Она распространена в исследованиях американских реалий. В Европе реже используют термин «политика идентичности», а предпочитают говорить о разного рода мерах, программах, проектах, нацеленных на защиту разных сообществ. Что касается больших сообществ, то скорее принято говорить о политике многообразия. Но, по сути, это и есть политика идентичности определенного идейного и культурного наполнения.

Я думаю, что одна трактовка не противоположна другой и отнюдь не исключает другую. Более узкая интерпретация политики идентичности нормативна. Широкое ее понимание не носит нормативного характера. На мой взгляд, в политической науке важны отход от нормативности и продвижение альтернативных подходов в том, что касается концептуализации текущей политической реальности. Другое дело – вопрос о перспективах развития, здесь, напротив, важно продвижение в научном дискурсе позитивных ориентиров и ценностей, особенно – ценностей диалога, ценностей доверия и ответственности.

Л.А. Фадеева. Это бесспорно значимо, но это и очень трудно. В российской политической науке налицо не просто дифференциация, но конфронтация относительно того, какую идентичность и как формировать. Политика идентичности в ее широкой трактовке тоже становится сферой противостояния и борьбы, и не только разных научных позиций.

И.С. Семенко. В целом политика идентичности – это любая политика, направленная на формирование разных идентичностей. Городской или сельской (в смысле сопричастности к развитию того сообщества, где человек живет), семейной или профессиональной, например. Эти приоритеты отражаются в образовательной сфере, в символической политике и политике памяти, в языковой политике. И не менее отчетливо, хотя и опосредованным образом – в социальной политике и в политике развития, в формировании и продвижении позитивных ориентиров развития. В публичной сфере говорят о политике формирования идентичности, но ведь не всегда речь идет о формировании, в других ситуациях – о развитии, сохранении, изменении.

Политику идентичности важно трактовать и оценивать в контексте реальных социально-политических процессов и их результатов, влияния на социальный климат, в котором человек

живет. Такая политика может быть целевым образом направлена на закрепление разделенных сообществ, на углубление линий социальных и идейных размежеваний. Мы живем в разделенном мире, в мире, где конфликты зачастую принимают деструктивные формы. Одни различия накладываются на другие, в том числе и идентификационные различия. И позитивными ориентирами будут ценности эмпатии, социального творчества, взаимодействия вокруг приоритетов развития.

Различия есть и в отношении того, идет ли речь об identity politics или об identity policy. В соответствии с тем, что находится в центре внимания, – сфера деятельности или механизмы, инструменты, проекты. В наших исследованиях речь идет преимущественно о identity politics, которая реализуется с помощью разных практик и инструментов (policies). Последние – предмет эмпирических исследований, в изучении идентичности принципиально важно, как мы с Вами уже говорили, соединять и сопрягать эти два уровня. Только что мы с коллегами из Кубанского университета провели захватывающее, без преувеличения, исследование потенциала политики идентичности в развитии сельских местных сообществ на примере сравнения опыта «успешных» и «неуспешных» кубанских станиц. И результаты позволили, в том числе, подтвердить вывод о том, что эффективность политики идентичности определяется ориентацией на развитие конкретного сообщества. Она может измеряться нацеленностью на преодоление разделений, на социальную консолидацию. И тогда общество ориентируется на развитие, в противном случае его уделом становится рост социальной аномии.

Л.А. Фадеева. Ирина Станиславовна, энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика» по признанию академического сообщества стало важной вехой в развитии направления, связанного с изучением идентичности в социальных науках. Как член редколлегии я помню интенсивность работы, остроту обсуждения подходов и содержания понятий. С позиций сегодняшнего дня, что бы Вы изменили в книге, спланировали бы по-другому?

И.С. Семенко. Я бы уделила больше внимания рассмотрению процессов политизации неполитического с использованием идентичности, анализу факторов политизации идентичности. Интересно посмотреть, как влияет на эти процессы культура в ши-

роком смысле, в том числе художественная культура, как в теоретико-методологическом плане изучение идентичности вписывается в культуральные исследования (в поле *cultural studies*). И насколько содержательно оправданно использование понятия «культурная идентичность», оно очевидно нуждается в концептуальной проработке (потому что любая идентичность социальна по природе и имеет культурное наполнение). Меня очень интересует изучение неполитических инструментов и механизмов политики идентичности, которые постепенно занимают место в поле политической науки. Например, школьных учебников или музеев как встречи разных идентичностей, сетевых взаимодействий и их влияния на социальный и культурный ландшафт, изменений, происходящих в городских публичных пространствах. Нынешняя «война памятникам», развернувшаяся не только в США, но и в «традиционалистской» Великобритании (есть попытки поднять волну и в ряде других стран) – это в том числе свидетельство межпоколенческих разрывов. Меняется отношение к истории как значимому идентификационному ориентиру, в авторитетных зарубежных СМИ появились жесткие высказывания о том, что сама идея памятника исторической личности или событию не отвечает стремительно меняющимся современным реалиям... Нужно иметь в виду, что в быстрой смене ориентиров идентичности отражаются ценностные разрывы, поэтому важно изучать механизмы таких изменений и оценивать перспективы политической мобилизации на их основе. Это важная для политического прогнозирования тематика.

Сегодня я бы выделила специальный раздел, посвященный идентичности и развитию, идентичности в контексте политики развития. Важно понимание развития как сочетания общественного и личностного. Такого развития, которое ориентировано на человека, на его духовный рост, на перспективы формирования общества, где важны не материальные, а в первую очередь – духовные ценности, где идут поиски путей примирения человека с миром, в котором он живет.

Думаю, очень важно оценить морально-этические и психологические аспекты динамики политической идентичности. Отчасти об этом доводилось писать в публикациях о «человеке политическом». Особенно в свете нынешнего коронакризиса, хотя задача глубже, об интеграции разных областей социального знания я уже упоминала в начале нашего разговора. У российских исследовате-

лей идентичности есть для этого свой сетевой ресурс. Нашей Сети по исследованию идентичности исполнилось десять лет, работу на сайте Сети бесценно координирует Мария Викторовна Назукина.

В подготовке книги, о которой Вы говорили, и ряда предшествовавших ей изданий взаимодействие в рамках Сети сыграло большую роль. Интересные и плодотворные обсуждения проходят у нас на тематических заседаниях Исследовательского комитета по политической идентичности Российской ассоциации политической науки, инициатива создать словарь терминов и понятий по нашей тематике и организовать сетевое взаимодействие оформилась в ходе такой дискуссии более 10 лет назад. В написании монографии «Идентичность...» участвовали более полусотни (55, если быть точной) авторов из разных научных центров страны. Сегодня у нас в российском исследовательском поле сложилось несколько изучающих идентичность научных школ – в нашем институте, в Санкт-Петербургском государственном университете, в Пермском и Кубанском университетах, у каждой свое лицо. Исследования целенаправленно ведутся в целом ряде российских научных центров, только в нашей книге было представлено восемь институтов РАН и 12 университетских центров.

Л.А. Фадеева. Мы знаем, что сам концепт идентичности подвергается постоянной критике, подобно тому, как ранее было много противников у концепта политической культуры. Критика, начиная с В.С. Малахова, Ф. Купера и Р. Брубейкера, исходит из посыла, что концептуализация идентичности затруднена, а верификация вообще едва ли возможна. Особенно критическое отношение к политике идентичности, и часто обращается внимание на ее негативные стороны. Каковы, на ваш взгляд, вызовы и перспективы исследований идентичности и политики идентичности?

И.С. Семененко. Я не думаю, что в этом поле можно добиться концептуальной строгости, тем более что исследования идентичности расширяются на смежные поля, это неизбежно, и это позитивный процесс. Но можно, думаю, разговаривать на общем для исследователей языке. Важно изучать, что принято в политическом дискурсе и как это соотносится с научным дискурсом. Например, в постсоветских странах – в Беларуси, Казахстане, Армении – политика идентичности – это интегральная часть государственного строительства. Политика такая будет, даже если действующие политики не будут ее так именовать. Дело – за коллегам

ми-исследователями. Появились, например, интересные работы армянских коллег о глобальных диаспорах и роли идентичности в их формировании.

Меня очень занимает вопрос о «новых» и «старых» субъектах политики идентичности. Оценки такой вовлеченности тесно связаны с оценками динамики политического режима и политических институтов. У многосубъектной политики идентичности или односубъектной разная эффективность, это становится очевидным в среднесрочной и долгосрочной перспективе. У таких исследований немалый прогностический потенциал. Надо типологизировать дискурсы, в которых присутствует идентичность, посмотреть, на что они направлены, как они вписываются или не вписываются в политику развития. Ключевой вопрос – об этической составляющей развития, особенно в условиях новейших технологических и информационных вызовов. Об ответственности тех, кто формирует повестку дня развития, перспективах перехода к парадигме ответственного развития, такого, которое ориентировано на широкое использование нематериальных ресурсов.

Надо работать над уточнением понятийного ряда, над разработкой идентичности как «зонтичного» понятия и содержательно-го наполнения ее отдельных измерений и категорий. Выясняется, например, что недостаточно разработана категория расовой идентичности. В западной литературе есть некоторая политкорректная фигура умолчания по этому поводу. Между тем события последних месяцев показывают, что расовая идентичность – это не просто социально значимый ориентир, важно оценить его место в структуре современной политической идентичности. Что стоит за понятием «государственная идентичность», кто и кого наделяет такой идентичностью – тоже требующий прояснения вопрос. Государственная идентичность предполагала бы понимание государства как монолита, что проблематично. Внешнеполитическая идентичность – это сугубо дискурсивное понятие? И не происходит ли в этом контексте реификации (т.е. овеществления) концептуальных подходов? Как избежать этой опасности, о которой настойчиво напоминают критики идентичности?

Идентичность стоит в центре современных конфликтов, в которых отстаивается «право на идентичность», сегодня она вытеснила классовый конфликт, стала своего рода преемником в структурировании социальных размежеваний. Может быть, пред-

ложенное пермскими политологами понятие «борьба за идентичность» не идеальное, но я его часто использую (обычно беру в кавычки). Замены ему пока никто не предложил, а важно иметь в виду, что идентичность продвигается разными путями, с помощью разных механизмов и в столкновении разных субъектов и дискурсов.

Л.А. Фадеева. Исследования идентичности – это та сфера, где у отечественных ученых есть серьезный задел, наработки, достижения, которые представляют ценность и для мировой науки. Отечественные исследователи могут опереться на то, что сделано предшественниками, когда проблематика идентичности поднималась прямо – как идентификационный уровень классового сознания у Дилигенского, или опосредованно – применительно к субъективной стороне политических процессов. Если использовать политико-культурные подходы, то нет иерархии политических культур, как нет и иерархии культур вообще. И политическая идентичность не может быть выстроена в иерархии, когда одни модели превосходят другие и, следовательно, одни должны «догонять» другие. Нормативный подход в этом случае просто не работает. Как Вы полагаете, можно ли говорить об аккумуляции в этом поле объективного научного знания?

И.С. Семененко. Объективность связана с адекватным аналитическим инструментарием. И, конечно, в первую очередь – с ответственностью самого исследователя. Есть широкое поле для научной мысли, для поиска адекватных подходов к социальной реальности. В том числе в осмыслении идентичности как ключевой категории социального знания (не случайно наш коллега-философ Х.Г. Тхагапсоев рассматривает идентичность как форму категориального синтеза).

Ключевая исследовательская задача – выяснять, на что направлены дискурсы, в которых присутствует идентичность, каково их целеполагание. И выявить позитивные альтернативы для политики идентичности, ресурсы формирования «идентичности развития» (за неимением опять же лучшего термина). Думаю, что нам предстоит переосмыслить наш понятийный арсенал. Изобретение новых понятий – иногда возможный, но не всегда плодотворный путь. Сегодня важно продвигать неконфликтную публичную дискуссию по вопросам развития человека и общества, перехода от «борьбы за идентичность» к «диалогу идентичностей». В форми-

ровании такой повестки дня видится и наша ключевая задача как работающих в поле социальных наук исследователей.

**Prospects for identity research in the social sciences:
promoting non-conflict public discussion
(interview of professor Lyubov' A. Fadeeva
with corresponding member of RAS Irina S. Semenenko)**

For citation: Prospects for identity research in the social sciences: promoting non-conflict public discussion (interview of professor Lyubov' A. Fadeeva with corresponding member of RAS Irina S. Semenenko). *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 74–85. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.04>